

Леонид Люкс

Перемены через размежевание: о примате внутренней политики в сталинской и в путинской России*

Демонизация Запада, и в первую очередь США, проходит красной нитью почти через все основные речи Владимира Путина о международном положении и о российской внешней политике, начиная с печально знаменитого выступления российского президента на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2007 года. В отличие от своих предшественников, Бориса Ельцина и Михаила Горбачева, которые выступали за общеевропейские ценности, Путин сейчас делает ставку на так называемый «особый путь» России, который якобы принципиально отличается от развития «декадентского» Запада.

Но надо отметить, что примерно 13 лет назад из Москвы звучали совсем другие слова. Сразу после терактов 11 сентября 2001 года Путин почти неограниченно солидаризировался с США. В своей готовности оказать конкретную поддержку США в их борьбе с терроризмом российский президент даже пошел намного дальше, чем многие страны НАТО, писала две недели спустя после терактов в США московская *Независимая газета*. Его превзошли только британцы, но они всегда были самыми тесными союзниками Вашингтона¹.

Проамериканский курс Путина вызвал большое возмущение у «национально-патриотической» оппозиции. Истерический антиамериканизм, присущий этому лагерю, ничуть не уменьшился из-за трагедии в Нью-Йорке и в Вашингтоне. Наоборот, исполненные ненависти нападки на «победителей в холодной войне» резко усилились. Раньше их радикальная критика единственной оставшейся сверхдержавы вдохновлялась только бессильной злобой, а теперь к ней прибавилось еще и злорадство.

Для идеолога «национально-патриотического лагеря», главного редактора журнала *Завтра* Александра Проханова самолеты, разрушившие обе башни МТЦ, восстановили «равновесие мира», которое покачнулось «под тяжестью американского греха. "Империю Зла" проткнул перст Божий, обрушил символы зримого величия»². Публицист Александр Дугин, в котором сегодня видят тайного стратега кремлевского руководства, или «мозг Путина», тогда тоже присоединился к хору критиков президента. Он рассматривал как роковую ошибку вступ-

---

* Расширенная версия статьи, опубликованной первоначально в журнале *The European* (15.12.2014).

¹ *Независимая газета*. 26.09.2001.

² *Завтра*. 18.09.2001.

ление Путина в антитеррористический альянс, в котором доминировали США. Американское руководство использовало события 11 сентября как предлог для еще большего ослабления своих российских соперников, писал Дугин. Теперь геополитический плацдарм России в Средней Азии (республики СНГ) ускользает из-под влияния Москвы и попадает в сферу влияния США³.

Но московское руководство, невзирая на эту антиамериканскую кампанию ненависти со стороны национал-патриотов, последовательно проводило свой курс. Российский министр иностранных дел Игорь Иванов подчеркнул в апреле 2002 года, что вступление России в антитеррористическую коалицию, созданную после трагедии 11 сентября, является само собой разумеющимся. Это соответствует интересам российской безопасности⁴. Многие российские политики выступали даже за возобновление российско-американского альянса, существовавшего во время войны Германии с СССР. Они считали, что перед лицом смертельной угрозы, исходящей от международного терроризма, такая консолидация сил совершенно необходима. А противоречия между Востоком и Западом в этом случае второстепенны. В таком смысле высказывались в свое время и националист Дмитрий Рогозин, председатель Комитета по внешней политике в Госдуме⁵, и бывший министр иностранных дел Российской Федерации Андрей Козырев, известный своей прозападной ориентацией⁶. За словами последовали дела. Быстрая победа США и их союзников над режимом талибов в конце 2001 года в Афганистане существенно зависела и от московской поддержки в сфере логистики.

Но почему же этот неожиданно возникший альянс между Востоком и Западом разрушился спустя несколько лет? Почему обе стороны вновь вернулись к риторике холодной войны? Причины этого не лишены сходства с теми, которые после 1945 года привели к распаду антигитлеровской коалиции, возникшей во время советско-германской войны. Во время войны сталинское руководство было вынуждено ослабить контроль над своим угнетаемым населением. Без собственной инициативы общества, без «стихийной десталинизации» (это понятие принадлежит московскому историку Михаилу Гефтеру⁷) победить Третий Рейх было бы невозможно. Никто не мог предположить, что возвращение к кошмарной действительности предвоенного времени вообще возможно, писал польский поэт Александр Ват, который провел всю войну в Советском Союзе, отчасти как политзаключенный⁸.

В то время смелые планы на будущее строили даже такие верные слуги Сталина, как писатель Алексей Толстой. 22 июля 1943 года он сделал запись в своем блокноте: «Народ, вернувшись с войны, ничего не будет бояться. Он будет тре-

³ Дугин А. Основы евразийства. М., 2002. С. 31.

⁴ Иванов И. Россия и афганское урегулирование // Московские новости. 30.04.2002. С. 5.

⁵ Литературная газета. 19.09.2001. С. 2.

⁶ Московские новости. 2.10.2001. С. 9.

⁷ Гефтер М. Из тех и этих лет. М., 1991. С. 418.

⁸ Wat A. Jenseits von Wahrheit und Lüge: Mein Jahrhundert. Gesprochene Erinnerungen. Frankfurt/Main, 2000. P. 516-517, 590-591.

бователен и инициативен ... Китайская стена довоенной Россией рухнет»⁹. Эмигрантский русский историк Георгий Федотов соглашался с тем, что по крайней мере для русских солдат, соприкоснувшихся с западными союзниками в освобожденной Европе, приоткрылось «окно в свободный мир». В 1945 году он писал: «Если же солнце свободы, в противоположность астрономическому светилу, восходит с Запада, то все мы должны задуматься о путях и возможностях его проникновения в Россию»¹⁰.

Но именно эта перспектива больше всего ужасала тогдашнее кремлевское руководство. Как раз поэтому «Собственных солдат Сталин боялся не меньше, чем солдат Гитлера в начале войны», – писал историк Абдурахман Авторханов, эмигрировавший из СССР¹¹. Свою важнейшую цель сталинская команда видела в том, чтобы обуздать нацию, гордую своей победой. Эта команда опять начала создавать призрачный мир – с воображаемыми врагами народа, агентами и очагами страшных заговоров. Запад все больше демонизировался, губительным западным влиянием все время пугали.

Обострение противостояния между Востоком и Западом в первые послевоенные годы вытекало, в первую очередь, не из страха перед непосредственно предстоящей третьей мировой войной, а служило скорее (в том числе и на Западе) консолидации соответствующего идеологического лагеря. Московское руководство, например, в то время, когда советская пропаганда говорила о нарастающей агрессивности «капиталистического врага», сократило советские вооруженные силы с 11,4 миллионов солдат в 1945 году до 2,9 миллионов в 1948 году – то есть, именно в той фазе, когда холодная война достигла своего первого пика (первый берлинский кризис)¹². Это показывает, что политика сталинского руководства по отношению к Западу в сильной степени была продиктована страхом перед собственным населением и его требованиями большей самостоятельности. То есть, действия Кремля тогда в значительной степени предпринимались под влиянием внутрисполитических соображений.

Эти процессы обнаруживают некоторое сходство с развитием сегодняшней России. Разрыв сложившегося в 2001 году альянса между Россией и западными демократиями тоже произошел в значительной мере по внутрисполитическим причинам. Своего рода переломом в отношении Москвы к Западу стала разразившаяся в конце 2004 года «оранжевая революция» в Украине. Тот факт, что украинское гражданское общество было в состоянии отреагировать на манипуляции с выборами массовыми протестами и вынудить власти провести новые выборы, сильно испугал Кремль. Такое же развитие, как в Украине, родственно

⁹ Оклянский Ю. Роман с тираном. М., 1994. С. 69.

¹⁰ Федотов Г. Полное собрание сочинений. М., 2004. Т. 9. С. 344.

¹¹ Авторханов А. Загадка смерти Сталина (заговор Берия). Frankfurt/Main, 1976. С. 16-17.

¹² Bonwetsch B. Kalter Krieg als Innenpolitik // Staatsverfassung-Verfassungsstaat-Pressepolitik: Festschrift für E. Naujocks zum 65. Geburtstag / Ed. B.F. Quarthal, W. Setzler. Sigmaringen, 1980. P. 247.

близкой России в языковом и в культурном отношении (Западная Украина – это особый случай), вполне можно было представить и в России. Из-за этих страхов в русских средствах массовой информации, контролируемых государством, началась кампания по дискредитации «цветных революций» на постсоветском пространстве (включая Грузию). Все понимали, что свободолюбивые устремления в Украине пользуются на Западе большой симпатией. Это вело к тому, что московские пропагандисты расценивали «цветные революции» не как спонтанные восстания общества, а как управляемые извне попытки подорвать влияние России в так называемом «ближнем зарубежье».

После украинских событий властные круги в России стали еще интенсивнее разрушать плюралистические структуры, возникшие в эпоху Ельцина. Яркий пример – судьба российского парламентаризма. Хотя в рамках президентской системы российский парламент с самого начала имел слабые позиции, он все же являлся в эпоху Ельцина тем местом, где критически настроенные депутаты могли громко высказать свое мнение. Эту свою роль противовеса исполнительной власти Государственная Дума полностью утратила в путинский период. Однако даже в избранной в конце 2003 года Четвертой Думе еще было несколько депутатов из демократического лагеря с прямыми мандатами. Чтобы затруднить прохождение в состав парламента критически настроенным депутатам, правительство изменило в 2005 году закон о выборах. Было введено чисто пропорциональное представительство, допускающее только партийные списки. Теперь демократические группировки были полностью изгнаны из конституционных органов страны, что и произошло на парламентских выборах в 2007 и в 2011 годах. Ярким доказательством подчинения парламента правительству является голосование о принятии Крыма в состав Российской Федерации в марте 2014 года. 443 парламентария проголосовали за, и только один депутат (Илья Пономарев) был против.

В недавно опубликованном воззвании «Опять война в Европе? Не от нашего имени!» известные представители немецкой общественности выражают свое понимание тех страхов, которые возникают у России ввиду расширения западного альянса на Восток¹³. Но при этом «подписанты» воззвания упускают из виду один важный аспект. А именно, тот факт, что вступление в НАТО в 1999 году нескольких стран, бывших членов Варшавского договора, никак не помешало российскому руководству в 2001 году присоединиться к антитеррористическому альянсу, руководимому Вашингтоном. И хотя Россия подвергала жесткой критике войну в Ираке, начатую США в 2003 году, она при этом была заодно с Берлином и Парижем. Да и расширение ЕС на Восток сначала не рассматривалось Москвой как серьезная опасность. В середине 2004 года это развитие еще расцени-

---

¹³ Wieder Krieg in Europa? Nicht in unserem Namen! // Zeit Online. 5 December 2014. <http://www.zeit.de/politik/2014-12/aufruf-russland-dialog>; Опять война в Европе? Не от нашего имени! («Die Zeit», Германия) // inoСМИ.Ru. 9 декабря 2014. <http://inosmi.ru/world/20141209/224806802.html>.

валось Путиным как процесс, который должен сблизить Россию и ЕС не только географически, но также экономически и духовно.

И только после перелома 2004-2005 годов антизападная риторика Москвы стала приобретать совершенно новое измерение. И это, несомненно, обусловлено приматом внутренней политики, как и в эпоху позднего сталинизма. Многие говорят в пользу того, что не западные армии, не танки НАТО, а европейские идеи вызывают в Москве сильнейшие страхи. Именно эти идеи могут создать для путинской системы гораздо больше проблем, чем это и без того уже делают экономические санкции Запада.

Перевод с немецкого Ларисы Лисюткиной